

Историческая наука сегодня: в тенетах политики и рынка

В развитии исторической мысли можно выделить четыре ключевых парадигмы, четыре ответа на вопрос об адресации и причине нужности исторической науки. В своем развитии эти подходы конкурировали, сменяли друг друга, были более или менее присущи различным цивилизациям, однако сосуществуют до сих пор.

У истоков исторического знания, в пору устного предания, функцией «истории» являлось эпико-героическое обоснование величия племени в целом и вождеских родов. Так закладывались основы древнейшей парадигмы историописания – панегирической. Как увидим, несмотря на свое донаучное происхождение, она окажется весьма живучей. В древнейших цивилизациях Востока официальное летописание носило пропагандистско-панегирический характер, обосновывая и прославляя деяния правителя.

Зарождение критической исторической мысли связано с античностью. С одной стороны, она породила историческую науку как таковую. С другой стороны, резкое расширение в античном полисе круга полноправных образованных людей поставило вопрос об адресации истории. Историк стал обращаться к обществу, к довольно широкому кругу грамотных людей. История понималась при этом как средство развлечения публики и поучения ее на исторических примерах. Эту парадигму, которая ведет начало с самого «отца истории» Геродота, можно определить как развлекательно-нравоучительную.

Иным был подход к исторической науке на Дальнем Востоке, который начал складываться с Кун-цзы и приобрёл законченную форму у Сыма Цяня и его продолжателей на стезе династийных историй. История здесь не рассматривалась как литературный жанр и не адресовалась широким слоям даже грамотного населения. Потребителями исторических трудов являлись монарший двор и чиновничество. Последнее должно было черпать из истории материал для конструирования государственной политики и «увещаний» монарха. Соответственно, исторические труды лишь в малой степени служили и целям пропаганды. При соблюдении необходимой корректности в адрес «главного читателя» историки, тем не менее, обычно уходили от прямой лести через отказ от описания последних правлений. В панегириках, в общем, и не было нужды, поскольку труды предназначались почти исключительно для основной опоры престола. Другое дело – «неофициальные истории», но и мотивация их создателей, тем более, была сходной: дать объективное описание прошлого во избежание повторения ошибок. Такой подход может быть определен как аналитико-нравоучительный. Отличия его от преобладавшего в античности ясны. В Европе он до нового времени встречался крайне редко.

Средневековая христианская Европа (включая, естественно, Византию и Русь), унаследовав античные традиции исторической литературы, выработала свой подход к пониманию функций истории. Прообразом для него послужили исторические книги Библии. Учительный элемент истории сохранялся, но появлялся новый, и действительно главный Адресат любого человеческого труда – не объект, а Субъект любого истинного поучения. Историк-христианин осознавал себя слугой Промысла, а свою книгу – одновременно как акт служения Богу, изложения действия Провидения, и как свидетельство на грядущем Страшном Суде. Соответственно, резко возросли требования объективности (к мирским делам) и достоверности (в рамках христианского миропонимания). «Аудитории» в античном, дальневосточном или современном смысле труды христианских хронистов и летописцев вообще не имели. Если они писались на заказ, в поучение и образец, то могли расходиться в списках – но нередко держались в единственном экземпляре. Смысл труда был в самом факте его написания как свидетельства о предках и современниках в «Книгу Жизни». Всё это, разумеется, не исключает известного панегиризма, особенно у придворных авторов, в адрес монархов и своих народов – чаще всего вполне объяснимого патриотическим чувством. Однако деяния политической власти следовало оценивать исходя с позиций внешнего авторитета – Бога и Церкви. Любые восхваления «своих» должны были оставаться в определенных рамках, задаваемых вышеописанной идеальной парадигмой. Справедливо будет определить ее как провиденциальную.

Несколько иначе сложилась история историописания на мусульманском Востоке. Восприняв многие достижения античной и раннехристианской исторической мысли, мусульманские историки восприняли, вместе с тем, и не менее богатую традицию донаучного историописания Передней Азии – через персидское посредство. Эта традиция была ориентирована на последовательное возвеличение политической власти, причём у персов-зороастрийцев уже в соединении с религиозной дидактикой. Восприятию этого панегирического подхода способствовали и обстоятельства возникновения и распространения ислама. Ислам очень быстро превратился в государственную религию, после чего все политические достижения мусульманского государства становились и религиозными. Расширение границ Халифата означало для мусульман распространение истинной веры. Те возвышенные оценки, которые в христианской традиции закрепились только за деяниями святых и отразились в агиографическом жанре, в исламской традиции было естественно связывать с деяниями исламской власти, а значит, с жанром истории. К тому же тюрко-монгольские и берберские завоевания внесли в исламскую культуру мощный пласт архаики. В итоге преобладать стали сочинения, возвеличивающие

династии или отдельных правителей (прежде всего, как верных слуг Аллаха). Такие произведения, впрочем, могли лишь очень ограниченно восприниматься как часть государственной пропаганды. Они циркулировали в кругах образованных улемов – и, несомненно, предназначались для пропаганды именно в этом смысле, создавая благоприятное (или наоборот) впечатление о правителе в большом исламском мире. Всё это не исключало и появления довольно многих трудов (особенно посвященных всемирной и древней истории), выполненных в провиденциальной парадигме, с позиций объективной критики правителей. Таким образом, целостной парадигмы историописания исламский мир в средние века не выработал. Впрочем, это не помешало исламскому династийному панегирику оказать воздействие на некоторые восточнохристианские традиции (грузинскую, эфиопскую).

Не исключено и влияние на западноевропейскую традицию начиная с XVI в. Секуляризация европейского общества и складывание национальных государств привели к серьёзным изменениям в историописании. С одной стороны, происходило «возрождение» (как и во всём) античных традиций развлекательно-нравоучительного жанра. С другой стороны, во множестве появляются совершенно панегирические национальные истории, нередко с самыми фантазмагорическими представлениями о прошлом своих народов. При этом отношение к власти может быть вполне критичным, но отношение к народу, к нации – нет. Назначение таких трудов – восхваление доблестей «своих людей», что как будто прямо перекликается с донаучными представлениями первобытного общества. История в Европе обретает ранее не свойственную ей функцию широкой политической пропаганды. Вопрос о влиянии с мусульманского Востока здесь – не случайный парадокс и не умозрение. «Османская мода», охватившая дворы от Парижа до Москвы, отразившаяся в сочинениях Макиавелли и Пересветова, повлияла на оформление европейского абсолютизма – почему же не на традиции историописания? Вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. Здесь же отметим, что именно на пороге нового времени в Европе оформляется новая парадигма историописания – пропагандистско-панегирическая. Она могла быть направлена в пользу отдельных лиц, народов и государств, социальных групп и светских идеологий. Цель же оставалась одна – интерпретация истории (не обязательно, заметим, ложная) для широких масс в интересах «заказчика». Стоит отметить, что значительная часть глобальных концепций исторического процесса, созданных в новое время, формулировалась именно в таком контексте. Они служили обоснованием необходимости того или иного, идеологически предпочтительного направления «прогресса».

Конкуренция «античной» и «новой» парадигмы продолжалась все новое время. Из «античной», в конце концов, родился научно-популярный исторический жанр. «Новая» парадигма прямо воплотилась в многочисленных парадных национальных историях и официозных учебниках на всех языках мира. По мере развития исторической науки в среде самих ученых всё большей популярностью пользовалась аналитико-нравоучительная парадигма. Она возникла как закономерный этап на пути эволюции истории от литературы к науке, – впрочем, знакомство европейцев с научной мыслью Дальнего Востока в XVIII в. свою роль здесь тоже сыграло. Однако, в отличие от древнекитайской элиты, политики, чиновники и бизнесмены Запада нового времени не слишком стремились «учиться у истории». В итоге на долгое время ученым-приверженцам такого подхода пришлось заниматься «наукой ради науки», адресуя труды кругу собственных коллег. В каком-то смысле это был сниженный вариант провиденциальной парадигмы, где вместо Бога как объекта почитания и служения выступала научная истина – «бог» эпохи Модерна.

Сейчас между разными парадигмами сохраняется зыбкое равновесие. Античная развлекательно-нравоучительная парадигма доминирует в научно-популярном жанре. Понятие, думается, несколько лукавое, поскольку хороший исторический нарратив и должен писаться понятно, «популярно», а научный анализ, необходимую часть хотя бы отчасти научного труда, «популярным» сделать крайне сложно.

Пропагандистско-панегирическая парадигма до недавнего времени доминировала повсеместно, определяя магистральные пути «большой науки». Особенно, но далеко не исключительно, это касалось разного рода идеократических режимов. В настоящее время, однако, по мере сокращения числа такого рода режимов, и одновременно упадка самой идеи национального государства на «демократическом» Западе, эта парадигма отмирает.

В странах, избравших инновационный и информационный путь развития, закономерно начинает воплощаться предпочтительная современному интеллектуалу аналитико-нравоучительная парадигма. Государство и бизнес выступают заказчиками «объективной» научной (в том числе исторической) информации, на основе которой (в интерпретации экспертного сообщества) планируют свои действия и определяют векторы развития. Попутно поощряются и фундаментальные исследования в области «науки ради науки», полезные для ее развития или способные дать долгосрочный эффект. Большое количество научно-учебных центров и источников их финансирования способствует самореализации почти любого конкретного специалиста. К России практически ничто из вышесказанного не относится.

Единственная парадигма, которая в современном мире пребывает в явном аутсайде – провиденциальная. Это и естественно – она подразумевает труд историка исключительно как дело личной ответственности перед Высшим Авторитетом, а не как «профессию». Историк здесь должен осознавать себя не исполнителем любых людских «заказов», а летописцем Промысла. Адресовать свой труд не обществу и не государству, а Богу. Не самая популярная идея в современной светской научной мысли.

История России во все времена вызывала широкий интерес своих граждан. Изучение истории формирует у молодого поколения историческое сознание, чувство патриотизма, сопричастности к истории Отечества, социально-культурной идентичности. Историческое сознание пронизывает всё общественное сознание как часть его содержания и как метод решения всех его вопросов. Поэтому историческое сознание необходимо всем (Лернер, 1988: 21). Стоит подчеркнуть, что историческое сознание – явление многогранное, имеющее непростую структуру, обусловленную способами его формирования. И. Я. Лернер обращает внимание на существование двух сторон исторического сознания: обыденной и научно-теоретической. Историческое сознание, – отмечает Лернер, – достижение всех, оно выражается в разной форме: национального самосознания, политического, экономического, нравственного, эстетического. Если первый уровень исторического сознания складывается из непосредственных впечатлений, накапливаемых любым человеком на протяжении жизни, то следующим уровнем является упорядоченное, системное знание истории, индивидуум начинает сопоставлять и анализировать факты на основе знаний и накопленного опыта. Историческое сознание – «ценностное отношение к человеческому прошлому, система ориентации в мире, под углом зрения истории, способ рационального воспроизведения и оценивания социумом и личностью движение общества во времени. Индивидуальное историческое сознание является результатом приобщения к знанию о прошлом, осмысления прошлого и генерации чувства сопричастности к нему» (Лернер, 1988: 21).

Обыденный уровень исторического сознания, основанный на культурной памяти и личном опыте, характеризуется расплывчатой, а зачастую мифологизированной картиной мира. По убеждению Е.М. Мелетинского миф представляет собой исторически развивающийся культурный феномен, который частично сохраняет некое константное ядро, а частично трансформируется от эпохи к эпохе. Одновременно являясь одним из механизмов организации социальной, хозяйственной и культурной жизни – системой представлений, и типом знания (Мелетинский, 1988).

В XX веке мифология приняла новые, специфические формы, так доминирующим типом стали политические и идеологические мифы. Ярким примером политической мифологии XX века является тоталитарная мифология. В современном мире уровень мифологичности общественной жизни имеет тенденцию к росту. Мифологические конструкции воспроизводятся и распространяются средствами массовой информации, становятся компонентом массового сознания, что создает условия для проникновения этих конструкций в учебную литературу по истории, и в педагогический процесс (Топорков, 2003). В новых социальных и национальных условиях воссоздаются старые и формируются новые мифы. В постсоветской России наблюдается процесс демифологизации – разрушения прежних, в том числе советских мифов, и одновременно рождения новых постсоветских мифов (ремифологизация). Если тоталитарная мифология была «замкнутой» и достаточно простой для понимания, современная мифология наоборот аморфна и неустойчива, в ней одновременно имеют место сразу несколько диаметрально противоположных мифов. В качестве примера нового мифа, связанного с этнической и религиозной самоидентификацией в современной России, можно назвать миф о прошлом русского народа, который всегда был народом благочестивым и глубоко верующим; примером советской мифологии, распространенной в массовом сознании, являются мифы о «гармоничной и благополучной советской эпохе (Вяземский, 2010). Здесь необходимо разделить понятия «миф» и «историческая фальсификация». Если под мифом в положительном контексте обычно понимаются героизированные образы прошлого, которые воспринимаются как моральные ориентиры, модели восприятия и поведения, основа для формирования исторической памяти, то под историческими фальсификациями необходимо понимать осмысленное искажение исторических фактов с определенной целью (см.: Барт, 1988; Барт, 2006; Барт, 1994; Барт, 2010; Фальсификация, 2011; Вяземский, 2010).

Сегодня активно эксплуатируются как исторические мифы, так и исторические фальсификации. Вот только последние, в отличие от мифов, в силу своей идеологической направленности оказывают разрушительное действие на историческое сознание граждан, в первую очередь, молодежи. Как результат – низкая социализация, размытость чувства патриотичности и социально-культурной идентификации.

Не малую роль в формировании исторического сознания играет историческая память. Историческая память, несмотря на свою определенную неполноту и противоречивость, обладает способностью сохранять в массовом сознании оценки событий прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия людей в настоящем. Историческая память также является важнейшей

составляющей самоидентификации индивида. В зависимости от того, какие содержательные стереотипы преобладают в исторической памяти, она может либо консолидировать общество, либо оказывать на него негативное и даже разрушительное влияние. Историческая память интересна тем, что представляет собой устную традицию передачи информации о прошлом, и, как любая устная традиция, она мифологична. С естественным уходом людей – современников исторических событий меняется историческая память, приобретая характер собственных впечатлений, соответствующим реальностями сегодняшнего дня (Психология, 1998: 419; История, 2006: 22).

Особое значение историческое знание и историческая память приобретают в современных условиях переоценки ценностей и становления нового российского общества, трансформированного в мировую действительность. В условиях все более глобализирующегося мира знание истории отдельных стран и народов теряет свою актуальность, на смену ему приходит необходимость знания глобальной истории, опирающейся на представление о когерентности мирового исторического процесса (Хвостова, 2000: 324). Постсоветские десятилетия перемен создали необходимость формирования исторического знания с учетом новых ценностных ориентиров. Слом старых жизненных устоев, вытеснение прежних ценностно-смысловых ориентиров и замена их сомнительными западными установками привели к расколу духовного мира общества, как результат – утрата национальной самобытности российского государства, чувства патриотизма и социально-культурной идентификации граждан. Инертная политика государства в области исторического образования и патриотического воспитания, отсутствие новых ценностных ориентиров и деформированное за годы перестройки и постперестроечного периода общественное сознание обострили потребность в знании исторического прошлого России, в связи с чем возник интерес к исторической литературе, в первую очередь к альтернативной истории, большой популярностью стали пользоваться передачи в контексте «воспоминаний о прошлом». В них, с учетом последних веяний демократии и плюрализма, интерпретация исторических фактов зачастую преподносится в достаточно вольном контексте, во многих случаях доводы оппонентов не аргументированы, а приводимые «факты» носят характер мифов или фальсификаций. Подобная информация наносит большой ущерб историческому сознанию граждан, в первую очередь, молодежи. «Правда истории, часто отделённая от нас культурной дистанцией, и поэтому с трудом воспринимаемая нами, вынуждена постоянно конкурировать с правдой воображения» (Зубкова, 2006: 494).

Решение проблемы реконструкции исторического сознания и исторической памяти в соответствии с достоверным историческим прошлым нашей страны – за историческим

образованием и историко-патриотическим воспитанием. При этом процессы реформирования самого общества еще не завершены. Сегодня уровень исторического образования во многом определяют мировые тенденции, такие, как: глобализация, информатизация, кооперация – эти процессы приводят к необходимости симбиоза исторической, социологической и политической сфер знания, а также к перемещению самих центров знаний. Если раньше таким единственным центром выступал школьный учитель или преподаватель института, то теперь данный центр сместился в сторону средств массовой информации, привлекающих молодежь различного рода историческими мифами и красочными фальсификациями. Такое перемещение акцентов имеет и еще одно обоснование – смену культур. Так, книжную культуру сменила культура экранная. Но, к сожалению, на фронте экранной культуры наблюдается «разброд и шатание», ложная, антинаучная информация выдается за «правду истории», заинтересованность зрителей, пользователей Интернет и слушателей покупается путем красивой подачи различного рода мифов и исторических фальсификаций. При этом государством так и не было выработано единой политики в области экспертизы подобных потоков информации, наносящих прямой урон не только историческому сознанию граждан, но и государственной безопасности. Например, Г.С. Киселев так характеризует современную социокультурную ситуацию: «Речь идет о вытеснении высокой культуры культурой массовой, т.е. квази-, или псевдокультурой. Последняя фактически вообще не признает необходимость ценностной системы, в результате чего нравственный релятивизм легко переходит в нигилизм. И это не остается без последствий. Нетрудно заметить деградацию тех общественных реалий и установлений Запада, которые основаны на христианской системе ценностей, в первую очередь феномена нравственно и социально ответственного индивида. В данных условиях становится все яснее, что человечество способно выжить, лишь воссоздав и поставив в центр своего существования систему абсолютных ценностей» (Киселев, 2006).

Современное историческое образование с набором альтернативных учебников и дискуссионных проблем не способно справиться с поставленной задачей. Таким образом, в-первую очередь, необходимо выработать концепцию совершенствования исторического образования и патриотического воспитания в обществе, однако в этой области до сих пор не выработано единой государственной политики. Что связано, на наш взгляд, с неоднозначностью и остротой назревшей проблемы, которую не решить только лишь внедрением в практику образовательного процесса единого учебника по истории. Сложность данной проблемы связана не только с относительностью исторического знания в целом, но и с невозможностью формирования исторического знания, а через него и

исторического сознания, в оторванности от социополитической действительности. И здесь не обойтись без реализации крупномасштабных историко-патриотических проектов по развенчанию исторических фальсификаций и мифов в общественном сознании, а также без историко-патриотического воспитания в целом.

Распад СССР, поставивший перед всеми нововозникшими государствами, проблему обретения новой идентичности тяжелее всего в этом смысле сказался на России. Здесь глубже всего за годы советской власти были внедрены новые ценностные ориентиры, и граждане идентифицировали себя с советским обществом. С другой стороны, все прежние попытки модернизации России проводились на имперских идейных основаниях. Деструкция и великодержавных традиций, и советской системы ценностей, и ключевого для прежних лет представления о мифологизированном Государстве как высшей социальной категории ввергла российское общество в глубокий ценностный и цивилизационный кризис. Проблема национальной консолидации, которую уже невозможно было разрешить в рамках старой рухнувшей идеологии, оказалась нерешаемой и с позиций нового отечественного «либерализма», фактически лишеного позитивной для массового сознания программы (см: Лапкин, Пантин, 2005; Лапкин, Пантин, 1997; Лапкин, Пантин, 2008; Пантин, Лапкин: Электр. ресурс).

Сегодня для России большое значение имеет создание имиджа сильной, стабильной, быстроразвивающейся страны как на внешней, так и на внутренней орбите. Очевидно, что создание подобного имиджа невозможно без таких понятий, как историческое сознание и историческая память. В связи с этим тема исторического образования и патриотического воспитания становится все более и более актуальной в общественных кругах. Восприятие своей страны как великой державы всегда было неотъемлемой частью отечественного менталитета и основой государственности. Как небезосновательно отмечает А.Н. Покида, для российского патриотизма характерна своя специфика, обусловленная неповторимостью исторического развития страны, судьбой русского народа, его культурой, образом жизни, менталитетом, национальным самосознанием, богатством этносов, необъятностью территории, многообразием природы, климата и т.д. Историческое развитие патриотизма в нашей стране носит неравномерный, прерывистый характер, порой сопровождаясь депатриотизацией общества. Особенно ярко эта тенденция проявилась в постсоветскую эпоху, когда сам термин «патриотизм» в высказываниях ряда публичных политиков и общественных деятелей приобрел негативный смысл. Социологические опросы последних лет показывают, что в современном российском обществе существенно актуализировался массовый интерес

людей к патриотическим идеям, лозунгам, символам, наблюдается рост патриотической самоидентификации россиян (Покида, 2012: 124-129).

Однако рост патриотических чувств пока не вызывает у наших соотечественников чувства долга перед Родиной, которое могло бы стать побудительным фактором созидательной деятельности на благо Отечества. По мнению многих ученых, это связано с тем, что радикальная смена социокультурной парадигмы в России привела к глубокому кризису национальной идентичности и запустила в культуре механизм компенсаторной традициональности и семиотизации повседневности. В отсутствие общегосударственной консолидирующей идеи возвращение к истокам оформилось в виде мифов об «идеальных» временах прошлого (Гудков, 1997; Лотман, 1992; Лотман, 2000; Николаева, 2002).

В настоящий период трансформации российского общества происходят качественные изменения содержания культурных смыслов, символов и оснований, считавшиеся ранее незыблемыми «столпами» советской культуры. Формируется новая система ценностей и новые образцы мышления. Часть интеллектуальной элиты делает попытку переоценки всего советского периода и стремится к поиску идентификации со старой, досоветской Россией. Интерес, в этой связи, представляют способы и формы создания новых культурных конструктов на базе искусственного совмещения досоветского и советского периодов российской истории, тем более что разрыв преемственности культурных образцов и поведенческих норм слишком значителен, чтобы образцы поведения дооктябрьской России воспринимались без искажений в современном российском обществе. Такие культурные конструкты оказывают серьезное влияние на формирование исторического сознания молодежи. Одна из возможных попыток анализа культурно-исторических конструктов в современном российском обществе может быть сделана на основе выявления различий между советскими культурными основаниями и несветской (зарубежной) русской культурой, сохранившей себя от советского влияния.

У рассуждающего о ценностных ориентирах современного общества неизбежно возникает вопрос – «какое оно, это новое общество?» – общество, где каждый «сам за себя»; общество, где все ветви власти коррумпированы; общество, паразитирующее на нефтяном придатке экономики; общество, где историческое прошлое подменено многочисленными мифами и фальсификациями... Какие ценности могут быть сформированы в таком обществе? Поиск удовольствий – становится основной ценностью!

«Альтернативная история уже давно выросла в самостоятельное научное направление», – зазывают рекламные буклеты покупателей на очередной дилетантский

опус по мотивам истории. Речь не о литературном жанре «что было бы, если бы». Эта альтернативная история – жанр известный и уважаемый. В фантастической литературе. Речь о псевдонаучном жанре «как оно было на самом деле – ведь вам все время ввали». Имя ему уже давно легион, и в этом смысле «альтернативная история» (так вместо грубоватого «фольк-истори», придуманного оппонентами) действительно «выросла». И, как утверждают те же рекламные буклеты, «не замечать ее невозможно». И не хочешь, а заметишь, – в исторических отделах книжных супермаркетов цветастые труды «альтернативщиков» ставят на видное место.

Давно стали понятны многие связанные с «альтернативой» вопросы. Обсуждать их по двадцать пятому кругу бессмысленно и неинтересно. Куда существеннее рассмотреть причины появления сего малопочтенного жанра. Тем более, что отдаются ему, пусть лишь изредка, люди весьма почтенные, реализовавшие себя, казалось бы, в своих областях знания. Но все же сначала о том, на чем останавливаться смысла нет.

Во-первых, не имеет особого смысла заниматься опровержением конкретных утверждений конкретных «альтернативщиков». Это невозможно сделать в рамках небольшого очерка, да и без того в связи с этим написаны уже тома. Те, кто все равно верит, что Иисус Христос был папой Гильдебрантом, что Киевская империя основана Вселенским Разумом в 5508 г. до н.э. или что история славянской письменности восходит к неандертальской эпохе – те будут верить в это и дальше. Такая вера, вероятно, уже за пределами возможностей как исторической, так и иных наук.

Можно разве что предложить несколько критериев определения «альтернативного» сочинения и отличия его от научного. Это опять же делалось уже не раз, но объем настоящей работы вполне позволяет повторить основные бесполезные тезисы.

Если книга с самого начала преподносится (своим автором) как сенсация, переворачивающая все представления о мировой истории, то это с огромной долей вероятности подделка под науку. Сенсаций в науке бывает немало, но специалистов, способных сотворить сенсацию в глобальном масштабе – единицы. И это подлинные, широкого профиля профессионалы в данной науке, редко объявляющие себя создателями сенсаций.

Если основное содержание труда подразумевает обвинения ученых-историков в сознательной фальсификации и искажении источников, если опус исходит из теории «заговора историков», – это подделка под науку. «Теория заговора» весьма удачна для создателей такого рода трудов. Она избавляет их от необходимости разбирать и опровергать каждый источник, представляемый академической наукой – каждый документ, каждый список летописи, каждый черепок керамики. Их можно под предлогом

массовой фальсификации «опровергать» целыми группами, чохом. Но если у вас есть конкретные данные о заговорщиках-фальсификаторах, тем более преследующих (как часто утверждают «альтернативщики») темные политические цели, то с такими данными бегут не в издательства. А в суды.

Если сочинение на историческую тему сразу огорошивает читателя сообщением о том, что оппоненты работают на «врага» (демократии, независимости, державы, народа и т.д.), то это подделка под науку. Автор начинает с аргументов от политики тогда, когда других аргументов у него нет. Даже если другой ученый на кого-то «работает» (что бывает), его аргументы должны быть опровергнуты на научном поле – непреложное правило науки. И научные аргументы должны быть первичны. Вообще, книги, публично провозглашающие в первую очередь не научную, а политическую (будь то «патриотическую» или нет) цель – к науке не относятся.

Не имеет особого смысла останавливаться подробно на общественной бесполезности «альтернативной истории». Оставляя в стороне этические и научные соображения, опираясь на одну голую политическую «выгоду», к которой и апеллируют многие творцы «альтернативки», пользу от нее все равно не углядеть. Ломка исторического сознания целой нации под одну из «альтернативных» концепций приведет к утрате реально существующего исторического лица, разрыву с реальной традицией. Кроме того, – если хотя бы гипотетически допустить подобную абсурдную возможность, – российская наука оказалась бы в гораздо большей изоляции от всей (!) мировой, чем бывало когда-либо и где-либо в мире. Потомки, разоблачив подобную изоляцию и фальсификацию, воздали бы предкам сторицей, что едва ли сработало бы на самый пламенный «альтернативный патриотизм». Пример жестокой и беспощадной мести «обманутого» поколения у нас перед глазами. И это притом, что советская «версия истории» была бесконечно далека от «альтернативных» – создавалась просто по принципу «немного подчистить, немного сместить».

Не имеет, впрочем, особого смысла также рассуждать о бесперспективности «альтернативной истории». Ее творцы умудрились выстроить ее противоречащей всем существующим в современном мире массовым мировоззрениям. Она противоречит как научной картине исторического процесса, так и историческим представлениям традиционных для России религий. В такой ситуации даже если к поддержке известного шахматного чемпиона вдруг добавится административный ресурс (чего нет и не будет), сделать «альтернативную» версию преобладающей просто не получится. Тем более, что при всем взаимном уважении и нередких взаимных ссылок «альтернативщики» создали немало авторских «версий истории» – но ни одной общей. Достаточно сопоставить

«исторические» книги, скажем, математика Фоменко и психиатра Кандыбы, чтобы убедиться, что их воззрения несовместимы совершенно. То же можно сказать о любом другом из когорты «альтернативы».

Из всего сказанного следует, что академической истории, вопреки многим утверждениям любителей «альтернативы», незачем беспокоиться о своих позициях. Ни в области массового образования, ни в области «официальной науки» этим позициям ничего не угрожает и угрожать не может. Историки беспокоятся лишь о здравости восприятия реальности массовым читателем и отдельными коллегами из других областей знания.

Каковы же причины, культурные истоки внезапного цветения «альтернативной истории»? Первой, лежащей на поверхности, является распространившаяся в новое время узкая специализация в науке. Само это явление – неизбежность, ибо развитие методов и оснований научного знания, всевозрастающее дробление его областей, просто рост научной информации сделали невозможной универсальную образованность средневекового типа. В современном обществе, в системе современного образования в том числе, историк или филолог должен верить астроному или медику «на слово», так же как они – ему. Специалист в одной области просто физически не сумеет самостоятельно перепроверить все поставляемые ему многочисленные сведения из другой (строго говоря, даже из своей собственной – скажем, медиевист-европеист по новейшей истории Африки). Не сумеет, даже если овладеет методом – хотя бы по одной причине объема. В реальности, кстати, одному человеку просто невозможно физически опровергнуть всю историю древности и средневековья. Для этого он должен изучить лично каждый из миллионов исторических артефактов этих эпох и доказать эмпирически подложность или неверность интерпретации их всех.

Однако то же самое научное мировоззрение, которое ставит перед неизбежностью веры специалистам (как корпорации) «на слово», с самого начала строилось как знание скептическое, постоянно пересматривающее и совершенствующее представления о мире. Нередко случается, что в сознании образованного человека этот скепсис накладывается на тотальное недоверие ко всему «официальному». Это ведь тоже не редкость в образованной среде (далеко не только в России), особенно среди разного рода «прогрессоров» и «сциентистов». На стыке традиционного научного (или привитого наукой через образование) скепсиса с интеллигентским недоверием к «официозу» и рождается «альтернатива» – будь то в истории, в медицине или в астрономии.

Вторая причина тесно связана с первой. Образование нового времени, наряду с узкой специализацией, в то же время не до конца избавляет и от иллюзии всезнания.

Общедоступность благодаря книжному рынку информации из разных областей науки (прежде всего, гуманитарной) эту иллюзию укрепляет. Сама по себе она не являлась бы злом, если бы профессиональная реализация современного человека во всех случаях соответствовала бы его подлинным интересам. Но это не так. Человек современный в огромном большинстве случаев работает согласно не интересу, а заинтересованности, выгоде. Это один из аспектов социальной отчужденности в мире модерна и постмодерна. Соответственно, немалая масса «интересующихся» гуманитарными, к примеру, науками оказывается в никак не связанной с ними профессиональной сфере. «Интерес» никуда не пропадает, но научный метод остается такому человеку неизвестным или едва известным. В такой ситуации «интерес» (при отсутствии сопоставимого «интереса» к собственной работе) может породить благодарного читателя, а то и автора «альтернативы». «Интерес» без подлинных знаний служит и оправданием, и обоснованием для дилетантских построений.

Третья причина, хотя это звучит несколько парадоксально, – само расширение круга образованных людей. Веками, тысячелетиями историческая память человеческого общества существовала в двух измерениях – ученом и народно-фольклорном. Они общались между собой, но никогда не сливались. Ученое измерение в большей или меньшей степени ставило себе задачей воссоздание истины – с научной или религиозной мотивацией. Народно-фольклорное, утратив эту составляющую с распространением письменности, начинало ставить иную задачу – создание максимально комплиментарной, поэтической и занимательной картины прошлого. В этой задаче, в общем, не было ничего неестественного или тем более предосудительного. Выше уже говорилось, что ей никогда не была чужда и письменная наука. С одним отличием – последняя сковывалась необходимостью точной информации и доказательств (в большинстве случаев). Фольклор, по мере развития в нем свободного вымысла, «анекдотичности» перестал сдерживаться чем бы то ни было. Общепризнанное историческое сознание в традиционных обществах на пороге нового времени обычно складывалось из наиболее «достоверных» элементов фольклора и наиболее «понятных» – научного знания.

Стихия фольклора «не наблюдает времен». Разделенные столетиями и тысячами километров люди свободно оказываются в нем современниками. Иван Грозный беседует с богатырями князя Владимира, а Ермак служит последнему. Название деревни Александровка связано с Александром Македонским. Под курганами покоятся библейские исполины. Иногда и некоторые исторические писатели настолько увлекаются какой-нибудь политической задачей, что продуцируют собственные «книжные легенды». Так Юлий Цезарь становится противником героического польского князя Лешко, а внук

Ноя Мосох – основателем Москвы. Но подобные «версии истории» в ученой среде широкой популярностью не пользовались и быстро подвергались осмеянию. Зато они могли проникнуть «в народ», обогатив версии фольклорные.

Новое время сокрушило после долгих стараний перегородку между «образованными» и «необразованными». В результате рост «образования» вширь сопровождался его неизбежным усреднением. На этом же фоне «фольклорные» представления об истории, вышедшей в тираж и десакрализованной, хлынули на книжные полки. Собственно говоря, «альтернативные» версии появлялись везде, где тому не мешал идеологический пресс. Отнюдь не золотой их дождь, пролившийся на Россию, – лишь следствие долгого сдерживания. Они несут на себе, как правило, все родимые пятна «фольклорного» подхода – комплиментарность, «украшательство», литературную легкость мысли. Отсюда-то популярность «альтернатив» у массового читателя, особенно в постсоветское время, полное потребности в душевной компенсации. Так что вполне справедливо данное Д.М. Володихиным (см.: Володихин, Елисеева, Олейников, 1998) и прижившееся у ученых название «альтернативы» – «фольк-истори».

Только одно отличает «фольк-истори» от подлинного фольклора – никакая фольклорная версия не претендовала на истинность за пределами своей сельской округи. «Альтернатива» же агрессивно предлагает себя как истину в последней инстанции, призванную заменить доселе существующую книжную науку. Потому борьба с ней никогда не потеряет актуальности. Никогда – поскольку в нашем формате цивилизации «фольк-истори», к сожалению, бессмертна.

Коренные изменения в сфере идеологии и общественного строя, поиск новой российской идентичности, новых идейных основ развития государственности – не оконченные по сей день – естественным образом сказываются на развитии исторической науки. Не в меньшей степени сказываются они на системе исторического образования – как среднего, так и высшего. Единое представление об истории, единая картина исторического процесса, даже общие представления о смысле самой исторической науки теперь отсутствуют. Некоторые из этих проблем неизбежны были при вхождении отечественной науки в мировой научный процесс. Для западной науки такие проблемы являются постоянным спутником в течение уже многих десятилетий, она свыклась с ними.

Но при российской специфике подобные «вечные» проблемы особенно обостряются – и им сопутствуют другие, именно российские. Последние связаны с обострённым недоверием общества к исторической науке, с одной стороны, и живым

интересом к истории, с другой. Одной из таких характерных специфических черт является, например, обвальное увеличение публикаций в стиле так называемой «фольк-истории». Это всевозможные «новые хронологии», «тайны забытых цивилизаций», поиски «богов из космоса». На Западе подобного рода «исследования» давно заняли свою нишу, бесконечно далёкую от академических сфер. У нас же на волне идейного разброда 90-х они иногда прорывались даже к образовательным программам. Нередко подобным построениям придаётся «патриотический» или «национальный» характер, что особенно тревожит, поскольку позорит сами понятия патриотического и национального.

Другой специфичной чертой является сам по себе общественный интерес к истории и стремление актуализировать ее, искать в ней образцы, «героев» и «злодеев». Этот интерес гораздо выше, чем на Западе, и сам по себе, конечно, отнюдь не плох, свидетельствуя о сохранении живой связи времён. Но, с другой стороны, он представляет питательную почву для разного рода пиаровских кампаний на околоисторические темы, поляризующих общество, политизирующих научные споры. Политизация – неизбежный спутник исторической науки в современном государстве. Однако в наших условиях провоцируется искусственный раскол общества по мифологизированным, контрпродуктивным поводам. Может доходить до откровенной «общественной» травли авторов, например, неудобного учебного пособия. В целом подобные бесперспективные, ни к чему в реальности не приводящие «дискуссии», вероятно, призваны отвлекать от насущных социальных проблем.

Однако, как уже сказано, наряду с проблемами специфически российскими есть и глобальные, неразрешённые исторической наукой в целом. У нас они, как опять же отмечено выше, воспринимаются особенно обострённо, как часть общего кризиса отечественной исторической науки. Потому естественен и постоянный, болезненный поиск их разрешения. Как бы то ни было, представляется, что «вечность» и международный характер некоторых очевидных «черных дыр» в историческом познании отнюдь не извиняют сами по себе их существования. Неизбежное – не всегда нормальное, тем более не всегда полезное.

Первая и наиболее фундаментальная проблема, с которой столкнулась обновлённая российская историческая наука, – отсутствие единой исторической парадигмы, единой интерпретации исторического процесса как целого. Крушение официальной марксистско-ленинской идеологии в начале 90-х логично вызвало реакцию отторжения по отношению к формационной схеме исторического процесса. Попытки спасти её (например, отказавшись от традиционной «пятичленки» в пользу других комбинаций формаций) тогда особого успеха не возымели. Стремительно пронеслась и миновала мода на

цивилизационный подход – блистательное с литературной точки зрения творение «философов-писателей» XX в., подвергнутое суровой исторической критике. На почве ухода от глобальных исторических схем расцвела «история факта» с ее вниманием к частным аспектам больших процессов. Создано немало ярких работ, посвящённых политической истории, историческим персоналиям, истории повседневности, – как правило, вне общих объяснений исторического процесса как такового. Уход от всемирно-исторических построений, возросшее внимание к проблемам личности в истории, способствовали развитию таких направлений, как историческая психология и персональная история. Однако все эти ценные новшества не могут сами по себе заменить целостной схемы исторического процесса, «законов истории» – в каковых история как наука всё равно испытывает подспудную нужду.

Академические дискуссии по поводу объяснения истории отозвались почти катастрофической ситуацией в учебной литературе и преподавательской практике. Всё многообразие (лучше сказать – разноголосицу) подходов к преподаванию истории можно с большим или меньшим основанием разбить на четыре варианта. При первом в основу изложения кладётся, часто по инерции (ввиду переиздания либо цитирования советских ещё учебников) формационный подход. При этом авторы обычно используют «сталинскую пятичленку» (первобытность – рабовладение – феодализм – капитализм – социализм) с характерной ошибкой – социализм в «пятичленке» являлся не самостоятельной формацией, а начальной фазой забытого ныне коммунизма. Любопытно и показательно, что использование этой глубоко идеологической схемы может свободно соседствовать с критическим отношением к социализму и марксизму. Очень редко, – как правило, в работах крупных самостоятельно мыслящих ученых, – можно встретить размышления по поводу самой природы формаций, отклонения от устарелого их понимания. Такие новые варианты формационного подхода, как предложенная ещё в конце 80-х «трёхчленка» (первобытность – феодализм – капитализм) остаются в основном неизвестны даже студентам-историкам. Несколько чаще используются усложнённые схемы формаций, восходящие ещё к XIX в. (например, вводящие «азиатский способ производства»). Наконец, к концу 90-х известное распространение получил близкий к марксистской схеме эволюционный подход, сосредотачивающий внимание на развитии экономики. Эта схема исторического развития («дикость» – «варварство» – аграрная цивилизация – индустриальная цивилизация – постиндустриальная / информационная цивилизация) близка к привычной и в то же время почти лишена явных идеологических оттенков. Однако избрание этой сугубо экономической периодизации в качестве единственной и основной не может не вызывать возражений.

Второй подход можно определить как «фактографический». Учебники и учебные пособия такого рода обычно чрезвычайно насыщены фактической информацией, очень часто наделены литературными достоинствами. По сути, они могут рассматриваться в ряду обобщающих работ по отдельным периодам истории (особенно это касается трудов по истории Отечества). Однако целостные объяснения исторического процесса в них не предлагаются. В лучшем случае, обычно в вузовских пособиях для гуманитариев, даётся нейтральный обзор точек зрения на исторический процесс. Такой подход имеет также очевидный минус. Отказ от объяснения исторического процесса, подчёркивание условности таких объяснений естественно ведут к сомнениям в статусе истории как науки. Накопление и изложение установленного эмпирически материала для такого статуса едва ли достаточны. Требуется интерпретация – которая сама требует определения законов или хотя бы общих тенденций исторического процесса.

Третий подход (без иронии) можно назвать «экзотическим». Это стремление отдельных ученых авторов и педагогов преподавать собственную интерпретацию истории, без оглядки на авторитеты. Достаточно либеральный подход к рецензированию и преподаванию гуманитарных наук в 90-е гг. создал для подобных самостоятельных личностей широкие возможности. Он позволил непринуждённо использовать в сфере образования собственные исторические построения – от нетривиальных трактовок отдельных фактов и периодов до общих схем исторического процесса. Особенно популярны одно время были многочисленные авторские версии цивилизационного подхода – дань которым отдал во время оно и автор этих строк. Не всегда «экзотика» была негативным фактором. Именно благодаря такого рода работам учащиеся нередко получают возможность знакомиться с передним краем науки, преодолевать инерцию, довлеющую над классическими учебниками. Однако в целом многочисленные авторские подходы, естественно, усиливают дисгармонию в историческом образовании. Тем более, что многие из них действительно парадоксальны и неприемлемы с точки зрения «основного потока» исторической мысли. Очевидно, что преподавание истории должно вестись с более или менее консенсусных для научного мира позиций, давать объективное представление о совокупности реального научного знания.

С этой точки зрения наиболее продуктивным представляется четвёртый подход, всё более частый в последнее десятилетие. Он представляет собой использование завоевывающего признание и в академической среде «исторического синтеза», интерпретации истории на основе инструментария разных методологических направлений. Тем не менее, нельзя не признать, что на сегодняшний день практическое применение синтетического подхода в преподавательской практике довольно ограничено.

Часто дело сводится к констатации условности существующих интерпретаций всемирно-исторического процесса и необходимости их синтезировать. Между тем, синтез предполагает не столько благие пожелания, сколько практическое сочетание, скажем, формационного, цивилизационного и эволюционного подходов в процессе историописания. Именно этого пока и недостает.

Корнем для всех сложностей с интерпретацией истории является вопрос, который давно неразрешимо стоит для науки западной, но для науки российской оказался внове – вопрос о цели и смысле истории. Марксистское представление о цели и заданности исторического процесса, об устремлённости его к коммунизму ушло в прошлое. Пример с заменой коммунизма в «пятичленке» на социализм в этом смысле весьма показателен. Но является ли именно социализм конечной целью истории? – в немарксистской парадигме (да и в марксистской) доказать это почти невозможно. Является ли такой целью «открытое общество»? «информационное общество»? «меритократия»? Ответы на этот вопрос западной гуманитарной мысли столь же разноголосы. Между тем, от ответа на этот вопрос зависит решение существеннейшей проблемы оценки исторических процессов и фактов, вплоть до самого частного события. Очевидно, что приближающее к идеальной «цели истории» – прогрессивно, естественно, благотворно. Удаляющее от неё – реакционно, неестественно, вредно. Нечего и говорить, что исследователи, считающие венцом человеческой истории, скажем, коммунизм и необуржуазное «открытое общество», придут к прямо противоположным выводам по оценке событий российской истории XX века. И оба они едва ли сойдутся с человеком, придерживающимся христианской парадигмы, для коего «прогрессивное» не есть «благотворное», а итогом всех человеческих усилий будет отнюдь не идеальное общество...

Можно в поисках консенсуса отрешиться от поисков в истории конечной, заданной цели, от категорий «прогресса» и «реакции» – и оценивать исторические факты по иным принципам. Однако каковы будут эти иные принципы? Оценивать ли, скажем, политику того или иного государства с точки зрения благосостояния, качества жизни его населения? Или с точки зрения прочности и силы самого государства, обеспечивающего гражданам независимость и безопасность? Или с точки зрения устойчивости нравственных, религиозных и семейных норм? Эти варианты, как мы видим на примере современной действительности, очень часто кардинально расходятся друг с другом. Привести их к некоей общей закономерности весьма трудно – а в случае приведения мы, скорее всего, лишь убедимся, что одно часто развивается за счёт другого. Вместе с тем, именно из этих вариантов следует делать выбор самим государству и обществу. Западная историческая наука давно уже, во всём многообразии своих школ, сошлась на приоритете личного

благополучия среднестатистического человека. Но это связано с давним торжеством на Западе либерально-гуманистической идеологии, принципы которой ныне оспаривают лишь немногие. Подходит ли эта идеология для России? Что ценнее для русского – «иметь или быть»? Выбор за обществом, и пока оно не сделает его, требовать цельности исторического сознания весьма затруднительно.

Литература

Барт, Р. (1988) Лабрюйер: от мифа к письму // Памятные книжные даты. – М.: Книга.

Барт, Р. (1994) Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс.

Барт, Р. (2010) Мифологии / пер., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. – М.: Академический проект.

Барт, Р. (2006) Сад, Фурье, Лойола [1971] / пер. с фр. Б. М. Скуратова. – М.: Праксис.

Володихин, Д., Елисеева, О., Олейников, Д. (1998) История России в мелкий горошек. – М.: Мануфактура; Единство.

Вяземский, Е.Е. (2010) Историческая политика и историческое образование // История и политика в современном мире. Материалы международной научной конференции. 24-25 сентября 2010 г.). – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова

Гудков, Л.Д. (1997) Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. № 2.

Зубкова, И.А. (2006) Научная история и «историческая культура» в эпоху постмодерна // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации. Екатеринбург.

История и память (2006) / Под ред. Л.П. Репиной. М.

Киселев, Г.С. (2006) Смыслы и ценности нового века // Вопросы философии. М., № 4.

Лапкин, В.В., Пантин, В.И. (2005) Ритмы международного развития как фактор политической модернизации России // Полис. № 3.

Лапкин, В.В., Пантин, В.И. (1997) Русский порядок // Политические исследования. № 3.

Лапкин, В.В., Пантин, В.И. (1998) Ценности постсоветского человека // Человек в переходном обществе. Социологические и социально-психологические исследования. М.: ИМЭМО РАН.

Лернер, И.Я. (1988) Историческое сознание и условия его формирования // Преподавание истории и естествознания в школе. № 4.

Лотман, Ю.М. (1992) Культура и взрыв. М.: Гнозис.

Лотман, Ю.М. (2000) семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб».

Мелетинский, Е.М. (1988) Миф и двадцатый век // Избранные статьи. Воспоминания. – М.

Николаева, Е.В. (2002) Переходная культура и миф о Начальном времени // Между обществом и властью: массовые жанры от 20-х к 80-м годам XX века. М.: Индрик.

Пантин, В.И., Лапкин, В.В. Эволюция ценностных ориентаций россиян в 1990-е годы // [Электр. ресурс:] <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/8065.html> (дата обращения: 12.08.2013).

Покида, А. Н. (2010) Специфика патриотических чувств россиян // Власть. № 12.

Психология памяти (1998) / Под ред. Ю.Б. Гипперейтер и В.Я. Романова. М.

Топорков, А.Л. (2003) Миф: традиция и психология восприятия // Мифы и мифология в современной России. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX.

Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов (2011) – Москва: ИА РАН.

Хвостова, К. В. (2000) Современная эпистемологическая парадигма в исторической науке // Одиссей. Человек в истории 2000. М.

(" " " " " " " " " ").